

Высказывалось предположение, что Аплухир написал свою пьесу для школьного³³ или аристократического театра при дворе какого-нибудь магната — покровителя искусств³⁴. Но нет достаточно надежных свидетельств, подтверждающих, что подобные спектакли устраивались³⁵. Остатки народного театра сохранились в Византии в виде представлений, дававшихся мимами. Опираясь на свидетельство Хорикия из Газы (V—VI вв.), Б. Ф. Варнеке заключил, что нередко показывались пантомимы на сюжеты античных трагедий и комедий³⁶. Но такие сценки разыгрывались не по письменному тексту. Если у актеров и были какие-то записи типа сценария, то они не предназначались для чтения. Да и за прошедшие со времен Хорикия шесть веков положение дел могло сильно измениться. Совершенно очевидно, что «Драматий» нельзя считать даже случайно сохранившимся сценарием (хотя он и имеет связь с античной комедией), так как он слишком статичен, «литературен» и утончен для представления на ипподроме.

Наконец, имело ли смысл выводить на сцену на несколько минут ради небольших реплик хор, вернее даже два хора (ибо есть Музы, почти не уступающие в численности античному хору). Да и чисто стилистические признаки указывают на то, что Аплухир готовил текст для чтения, а не для произнесения с подмостков: стих у него никогда не бывает разделен между двумя персонажами даже при самой быстрой стихомифии. Каждая реплика состоит не менее, чем из целого триметра, что придает ей округлость, законченность и лишает разговорных интонаций, сообщающих живость сценической речи. То же можно сказать и о построении фразы: оно грамматически правильно, все члены предложения на месте, в ней нет эллипсов, столь свойственных скажем, Аристофану, у которого они играют роль сильного выразительного средства. Такое построение фразы значительно снижает эмоциональность речи. Аплухир писал к тому же на выученном в школе языке, как отмечает Т. Моммзен³⁷, а не на разговорном, усвоенном с детства.

Композиция «Драматия» в какой-то степени напоминает аттические комедии. Пролога, правда, нет, но в диалоге двух соседей (ученого и деревенщины) выясняется завязка: разное отношение к Судьбе, которая затем сама принимает участие в беседе.

В стихе 52 появляется хор и ведет диалог с ученым. Эту часть можно сопоставить с пародом. Заканчивается она монологом ученого, после чего начинается агон (от ст. 84 и до конца — ст. 153) между музами и ученым. Парабазы, конечно, нет, как и всех следующих за ней буффонадных сцен. Отсутствуют и песни хора, роль которого сведена к нескольким репликам, вернее — вопросам (функции корифея), изложенным тем же триметром, которые заставляют мудреца раскрыть свое отношение к Музам. Хор никак не характеризуется; непонятно, из кого он состоит. Вообще здесь, видимо, имеет место просчет автора: ведь Музы — тоже хор, зачем их два? Это не полухория.

Ослабление роли хора наблюдается, впрочем, уже в последних комедиях Аристофана, в «Плутосе» в первую очередь; затем, в средней и в новой комедии, он, как известно, совсем устраняется. Интересно, что

³³ F. D ö l g e r, A. S c h n e i d e r. Op. cit., S. 207.

³⁴ M a g n e n. Op. cit., p. 464.

³⁵ Если даже предположить, что византийский школьный театр был похож на тот, который существовал в Польше в XVI—XVII вв., а затем на Руси, то и тогда по тематике, размерам и самой поэтике пьеса Аплухира резко отличалась от тех, которые игрались в таких театрах.

³⁶ Б. Ф. В а р н е к е. Из истории византийской драмы. — «Доклады АН СССР», серия В. М. — Пг., 1921, май-июнь, стр. 51.

³⁷ T y c h o M o m m s e n. Beiträge zur Lehre von den griechischen Präpositionen. Berlin, 1895, S. 630—631.